

Уэлш неизменно доказывает, что литература — лучший наркотик.

Spin

Творческую генеалогию Уэлша можно возвести к Джойсу, Свифту и Чосеру.

The Times

Его мастерство, юмор и сочувствие в сумме равняются гениальности. Уэлш — лучшее, что произошло в британской литературе за последнее десятилетие.

Ник Хорнби

Ирвин Уэлш — натуральный уникам: только он может так чудесно смешать нигилизм и мелодраму, снайперски точный реализм (особенно в плане диалекта) и самые универсальные архетипы.

Дэвид Фостер Уоллес

Уэлш — редкой злокозненности тварь, одна из самых талантливых в мировом масштабе. Его тексты — хорошая, по всем правилам сделанная беллетристика, типичная британская социальная сатира. Только вот с читателем здесь не церемонятся — спички между глаз вставляют и заставляют смотреть, как автор выскребаёт души своих героев. Смотреть, сука, сидеть, я сказал! — такая вот ироническая беллетристика.

Лев Данилкин (Афиша)

Особенный талант Уэлша в том, как он умудряется найти комедию в историях о сексуальной одержимости и предательстве, наркомании и смерти. И даже самые кровавые, самые чернушные эпизоды можно отнести к категории уютного чтения.

Kirkus Reviews

Терри Лоусон снова в деле! И ничто так не страшит записного бабника, как осознание того, что теперь он дедушка.

National Public Radio

С возрастом Уэлш не смягчается, а наоборот, крепчает.

Spectator

Уэлш испытывает реализм на прочность. Фантазии шотландца выглядят реальнее иной реальности. При этом один из героев «Тупой езды» Рональд Чекер — ну вылитый Дональд Трамп, только моложе и припанкованный.

Washington Post

В «Тупой езде» Уэлш мастерски играет на ваших душевных струнах: то вы сочувствуете бедолаге Джонти с его невозможной историей любви, то поражаетесь причудам американских миллионеров, на все готовых ради бутылки сверхъестественно дорогого виски.

Curious Animal Magazine

Проза снайперски точная, отточенная до остроты бритвенного лезвия.

List

Адреналиновая волна подхватывает читателя на первой же странице и несет, не отпуская.

Independent on Sunday

Уэлш снова мастерски играет на нашей любви к запретным плодам, и чем запретнее, тем лучше.

The Times

Главной ценностью романов Ирвина Уэлша являются не лихо закрученные сюжетные линии (хотя они, несомненно, хороши), а язык самого автора и язык его персонажей. Язык уэлшевских романов сотрясает своей развязностью, но в то же время он искренен и точен. Он как бы схватывает те наши мысли, которые ушли в подполье, не желая находиться в одном помещении с нашими же обычными суждениями и умозаключениями.

Культура. Свежая газета

Ирвин Уэлш превращает язык своего детства в средство создания фантастического мира, выходящего далеко за пределы окрестностей Эдинбурга, и маркирует им территорию, не просто ограниченную рамками определенного региона, но лежащую вообще за пределами буржуазной нормы. Язык у Уэлша порой важнее содержания текста. Следует отметить, что сам Уэлш весьма далек от воспевания того, что описывает; даже при передаче речи своих персонажей он все время сохраняет ироническую дистанцию. Герои Уэлша

(по крайней мере те, которых он любит) страстно ищут выхода за пределы своего универсума. А когда его находят, оказывается, что нужная дверь возвращает тебя в ту точку, откуда ты начинал.

Илья Кормильцев (Иностранная литература)

С литературной точки зрения Уэлш достаточно прост. Его произведения обычно написаны от первого лица с обильным использованием сленга, жаргона и диалектизмов — характерный пример того, что русские формалисты называли словом «сказ». Это влечет за собой сложности и для переводчика, и для читателя, но должно — по мысли поклонников — гарантировать аутентичность и подлинность высказывания. Сказовая манера у Уэлша дополнена нехитрой монтажной техникой, позволяющей ему избегать простого линейного повествования (особенно это заметно в «Кошмарах Аиста Марабу»). Впрочем, в 1990-е годы и то и другое давно уже не в новинку. Вероятно, наиболее близким Уэлшу классиком XX века будет Луи Фердинанд Селин, с его жаргонизмами, натурализмом и экспрессией, сочетающимися с мизантропией и презрением к человечеству. Достоинством выбранного стиля служит то, что он позволяет избежать нравочужения: Уэлш, так же как и Селин, может позволить себе не оценивать своих героев, отказавшись от роли непогрешимого автора.

Критика называет его «постмодернистским Роальдом Далем», однако сам он решительно разрывает с традициями нарочитой интертекстуальности и интеллектуальной усложненности: «Для того чтобы делать то, что я делаю, мне не требуются отсылки к другим книгам — я подпитываюсь своей собственной культурой. Я стараюсь использовать современную культуру: такую, как видео/музыку/эйсид-хаус, различные переживания — все то, что происходит вокруг. Вероятно, поэтому мои книги рассчитаны скорее на эмоциональное, а не на интеллектуальное восприятие. Если я захочу философии, то я обращусь к философам, а не к романистам».

Разумеется, приведенная цитата не значит, что Уэлш, как герой известного анекдота, «не читатель, а писатель», — он не оспаривает того, что Чарльз Буковски или Уильям Берроуз родственны ему. Речь идет только о том, что при создании своих произведений он отказывается ориентироваться на тексты, а ориентируется на жизнь. Конечно, в высказываниях Уэлша при желании нетрудно увидеть постмодернистский же вызов традиции литературоцентризма и ориентацию на современную аудиовизуальную культуру... Впрочем, легко заметить, что за его словами стоит типично модернистская

уверенность в том, что эмоцию возможно передать литературными средствами. Самое удивительное, что в своих лучших произведениях Уэлшу это действительно удается.

Сергей Кузнецов (Иностранная литература)

Ирвин Уэлш — ключевая фигура английской «антилитературы». Проза Уэлша — один из тех редких случаев в серьезной прозе, когда разговоры о жанре, направлении, идеологии и подтекстах почти никак не влияют на прочтение. Это пример чисто экзистенциального письма, прямая трансляция происходящего. Недаром сам Уэлш как-то сказал, что его книги рассчитаны на эмоциональное, а не на интеллектуальное восприятие. Место действия здесь — уютное пространство между смертью от передозировки, этическим экстремизмом и измененными состояниями сознания. Персонажи говорят на аутентичном эдинбургском диалекте с обильной примесью мата и экзотического сленга. Естественная интонация не оставляет места никаким литературным условностям. В сумме все это производит впечатление стилистического открытия.

Gazeta.ru

Ирвин Уэлш — неоспоримый лидер в новой волне современной британской словесности.

Observer

Читать Уэлша — все равно что смотреть Тарантино: адреналин зашкаливает.

The Spectator

Уэлш наводняет мировой эфир восхитительной какофонией гологов — печальных и смехотворных, агрессивных и раскаивающихся...

Scotland on Sunday

Самое прекрасное во вдохновении — то, что никто, кроме тебя, не знает его настоящего источника. Иногда не знаешь и сам. Бывает, пытаешься провести четкую линию между явлениями, которые легли в основу книги, и не можешь. Так что лично я оставляю эту работу подсознанию.

Ирвин Уэлш

*Робин Робертсон — эта езда была
совсем не тупой...*

Интеллектуал — это человек, который нашел
в жизни нечто более интересное, чем секс.

Олдос Хаксли

Часть первая

ПРЕДМОШНОЧНАЯ
НЕВИННОСТЬ

1

БУДНИ ВОДИТЕЛЯ ТАКСИ

— Ни за что не просечешь, кто тут давеча ко мне в кэб забрался.

Это Джус Терри Лоусон, его крепкое туловище упаковано в зеленый флуоресцентный спортивный костюм. Буйные кудряшки бешено взметаются вверх, когда из открытых дверей аэропорта на стоянку такси вырывается порыв ветра, разбиваясь о защитный барьер из плексигласа. Терри потягивается, широко зеваает, и рукава его куртки задираются, обнажая на запястьях золотые цепочки, а на предплечьях — две татуировки. На одной из них похожая на слайсер для яиц арфа и надпись «ФК „Хиберниан“ 1875» вокруг нее. С другой окружающим развязно подмигивает огнедышащий дракон и призывает их, как гласит выгнутая снизу надпись, «ПУСТИТЬ СОКИ».

Его приятель Толстолобый — тощий, астматического вида мужчина — бросает на него безучастный взгляд. Закуривая, он пытается прикинуть, сколько раз успеет затянуться, прежде чем ему придется иметь дело с надвигающейся толпой авиапассажиров, которая толкает свои заваленные багажом тележки в его сторону.

— Мудила этот из телика, — продолжает Терри, почесывая яйца через полиэстер.

— Какой еще?.. — бормочет Толстолобый, оценивая гору чемоданов многочисленной азиатской семьи.

Он надеется, что их обгонит вышагивающий следом мужчина и тогда Толстолобому не придется грузить всю эту поклажу. Пускай Терри с ними разбирается. Длинное кашемировое пальто на мужчине расстегнуто, из-под него выглядывает темный костюм, белая рубашка и галстук, он носит очки в черной оправе и, что совсем уж странно, ирокез.

Мужчина неожиданно вырывается вперед толпы, и вот Толстолобый уже воспрял духом. Но тут мужчина останавливается как вкопанный и смотрит на часы, пока азиатская семья, прокатившись мимо, сыпью покрывает Толстолобого.

— Пожалуйста, пожалуйста, побыстрее, пожалуйста, — упрашивает глава семейства, а в ограждение вдруг картечью начинает биться дождь.

Терри наблюдает, как его друг надрывается с чемоданами.

— Да этот стендап-комик, с Четвертого канала. Он еще фачил эту пташку, как ее там, сочная такая. — Он обрисовывает в воздухе песочные часы и встает за ограждение, чтоб не промокнуть.

Пока Толстолобый тужится с чемоданами и хрипит, Терри наблюдает, как нелепая прическа мужчины в очках и длинном пальто разлетается во все стороны на ветру, а пальцы, вбивая цифру за цифрой, мутузят телефон. Терри понимает — где-то он его уже видел, в группе, что ли, он какой играл. Он также замечает, что мужчина старше, чем можно было подумать по прическе. Внезапно появляется его затюканный помощник, коротко стриженный блондин с напряженным лицом, и опасно встает рядом.

— Мне очень жаль, Рон, но машина, которую мы заказывали, сломалась...

— Исчезни! — рывкает бизнес-панк (как его уже мысленно окрестил Терри) с американским акцентом. — Я возьму это долбаное такси! Проследи, чтобы мои чемоданы доставили в номер.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ПРЕДМОШОНОЧНАЯ НЕВИННОСТЬ

Даже не взглянув на Терри через розоватые линзы своих очков, бизнес-панк забирается на заднее сиденье такси и с силой захлопывает дверь. Его пристыженный помощник не издает ни звука.

Терри садится в машину и включает зажигание.

— Куда катим, шеф?

— Что? — Бизнес-панк смотрит на скрываемый копной кудряшек затылок поверх своих фотохромных очков.

Терри разворачивается в кресле:

— Куда. Бы. Вы. Хотели. Чтобы. Я. Вас. Отвез.

Бизнес-панк понимает, что этот кудрявый таксист разговаривает с ним как с ребенком. Гребаный Мортимер, не может ни за чем уследить. Вот уж влип так влип. Он сжимает ремень безопасности. Напряженно сглатывает:

— Отель «Балморал».

Аморал!

— Хороший выбор, приятель, — произносит Терри и прокручивает в голове список своих сексуальных приключений в этом отеле, которые обычно выпадают на два коротких промежутка в году; по части гарнира к его обычному рациону из мохнаток на районе и заезженных порноактрис нет ничего лучше, чем Эдинбургский международный фестиваль в августе и Хогманай¹. — И чем же ты промышляешь?

Рональд Чекер привык, что его узнают. Он не только крупный застройщик, но и звезда реалити-ТВ, хорошо известный по успешному шоу «Продажи». Отпрыск богатой семьи из Атланты, выпускник Гарварда, он пошел по стопам отца и занялся недвижимостью. Рон Чекер никогда не был близок с отцом и потому широкими связями старика пользовался с особой корыстью. Вот так сын стал успешнее отца и вырвался из «солнечного пояса» США на мировой рынок. Рон решил, что предложит телеканалам шоу, в котором

---

¹ *Hogmanay* — языческий шотландский праздник последнего дня в году. (Здесь и далее примеч. перев.)

предстанет эдаким молодым южанином, панкующим Дональдом Трампом, чье шоу «Кандидат» пользовалось заметным успехом. Друг Рона, стилист, придумал ему образ с прокезом, а сценарист с телеканала придумал слоган: «Яйца в бизнесе нужны». Теперь «Продажи» транслируются на весь мир, идет уже третий сезон, и Чекер знает, что в Британии его тоже показывают. Смутившись, он спрашивает у таксиста:

— Вы «Продажи» не смотрели?

— Вживую — нет, но я знаю, о чем речь, — кивает Терри. — Клип на «Smack Ma Bitch Up» был чересчур лихим, но некоторые пташки такое любят. Шоб пожестче, ну ты врубаешься. Нет, я, конечно, не сексист, ничего такого. Дамы в своем праве. Они изъявляют желание, ты его удовлетворяешь, так ведь и поступают настоящие джентльмены, верно, приятель?

Чекер с трудом понимает этого таксиста. В ответ ему остается только просипеть:

— Да уж.

— Сам-то ты женат, приятель?

Чекер ошарашен, он не привык, чтобы незнакомцы вроде этого простого шотландского таксиста так самонадеянно с ним разговаривали. Он уже собирается отрезать: «Не твое дело», но вспоминает, что команда пиарщиков настойчиво советовала ему вернуть расположение публики после фиаско в Нэрне. При застройке уничтожили небольшую прибрежную пещеру, снесли пару вилл из списка охраняемых объектов и переселили редких гнездящихся уток. Но вместо того чтобы порадоваться новому гольф-клубу, квартирам и рабочим местам, большинство жителей не одобрило все эти начинания.

Загнав оскорбленные этим вторжением в личное пространство чувства в мрачную улыбку, Чекер отвечает:

— Разведен, трижды, — и с какой-то озлобленностью припоминает Сапфиру, свою третью жену, затем — с острой, мучительной болью — Марго, свою первую.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ПРЕДМОШОНОЧНАЯ НЕВИННОСТЬ

Он пытается вспомнить Монику, недолго исполнявшую обязанности в промежутке, но ему едва удастся вызвать ее образ в памяти, что одновременно веселит его и пугает. В голове мелькает только ослабившееся лицо адвоката да семь жирных нулей. Для мужчины, которому через год еще только исполнится сорок, три — это тревожная статистика.

— Опа! Знакомо! — понимающе бросает Терри. — С тем чтобы их подцепить да повозить их хорошенько, у меня никогда проблем не было, — торжествующе заливается он. — Мой Верный Друг, — доверительно похлопывает он себя между ног, — работает без выходных, это я тебе без всяких говорю! Без этого никуда, верно, приятель? — Терри расплывается в улыбке, ну а Чекер наслаждается тем, как его спина растекается по жесткому сиденью, такому удобному после всех этих нескончаемых путешествий в представительских самолетах и лимузинах. — Всегда есть несколько на выбор, естественно, но... сам знаешь, чего это стоит! Самое страшное — это влюбиться. Начинаешь врать себе, что всю оставшуюся жизнь будешь пялить только эту пташку, и никого боле. Но против природы не попрешь. Через несколько месяцев блудливый глаз и горящий дрын снова вступают в игру! Железно!

Чекер чувствует, как к щекам приливает кровь. В какую, черт возьми, новомодную геенну вверх его Мортимер? Сначала из-за технических неисправностей в «лир-джете» ему пришлось лететь унизительным регулярным рейсом, а теперь еще и это!

— Для меня всякие там церемонии остались в прошлом. — Терри понижает голос и резко оборачивается. — Слушай, приятель, если тебя интересуют местные закоулки, только скажи. Я тот, кто тебе нужен. Могу подогнать все, что захочешь. Чисто так, к сведению!

Рон Чекер едва улавливает, о чем человек за рулем говорит ему «чисто так, к сведению». Этот придурок в самом

деле не догадывается, кто я! Однако сквозь захватившую его волну презрения к этому таксисту пробивается что-то еще: Рональд Чекер чувствует смутное возбуждение оттого, что он плывет по течению, что он, совсем как в студенческие годы, снова стал путешественником, а не избалованным туристом в бизнес-классе. И как же хорошо его спине на этих негнущихся сиденьях! К своему удивлению, Чекер признает, что какая-то его часть, та, что оказалась на свободе после недавнего развода, наслаждается происходящим вокруг! Да и почему бы ему не наслаждаться? Вот он мчится вперед, совершенно один, вдали от бездарных подхалимов вроде Мортимера! Разве должны его давить и ограничивать чужие представления о том, кто такой Рональд Чекер? Разве не здорово ненадолго почувствовать себя кем-то другим? А тут еще и спина! Возможно, сейчас самое время дать зеленый свет.

— Благодарю... вас...

— Терри, дружище. Терри Лоусон, но все зовут меня Джус Терри.

— Джус Терри... — Чекер взвешивает это имя на языке. — Что ж, рад знакомству, Джус Терри. Я Рон. Рон Чекер.

Он пытается в зеркале заднего вида разглядеть на лице таксиста хотя бы какие-то признаки узнавания. Ни намека. «Этот клоун настолько поглощен своей жалкой, пустой жизнью, что и в самом деле не имеет ни малейшего представления о том, кто я такой». Но в Шотландии с Ронни такое уже случалось, во время катастрофы в Нэрне.

— Ты зацени-и-и! — ревет Джус Терри, увидев стоящую на переходе вполне заурядную, с точки зрения Чекера, молодую женщину.

— Да... очаровательная, — неохотно соглашается Чекер.

— У меня от этой мохнатки уже пожар в штанах!

— Точно... Послушай, Терри, — начинает Чекер, почувствовав внезапный прилив вдохновения, — мне нравятся эти кэбы. Здесь очень удобные сиденья для моей спины.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ПРЕДМОШОНОЧНАЯ НЕВИННОСТЬ

Я бы хотел нанять тебя на эту неделю. Покатаешь меня по городу, покажешь несколько туристических мест и отвезешь на пару деловых встреч к северу от города. У меня кое-какие переговоры на винокурне в Инвернесе, к тому же я люблю поиграть в гольф. Несколько раз нужно будет заночевать по пути — в самых лучших отелях, разумеется.

Терри заинтересован предложением, но качает головой:

— Прости, чувак, у меня все смены расписаны.

Чекер не привык к несговорчивости в других, он воспринимает этот ответ с недоверием.

— Я заплачу тебе в два раза больше, чем ты зарабатываешь в неделю!

В ответ на него смотрит широкая улыбка, обрамленная копной кудряшек.

— Ничем не могу помочь, парнишка!

— Что? — Голос Чекера скрипит от отчаяния. — В пять раз! Скажи, сколько ты получаешь в неделю, и я дам в пять раз больше!

— Сейчас самое жаркое время в году, чувак, такая беготня перед Рождеством и Хогманаем — хуже, сука, чем во время фестиваля. Я делаю по две тонны в неделю, — врет Терри. — Сомневаюсь, что ты заплатишь тысячу за то, чтобы тебя просто покатали на такси с неделю!

— Считай, что мы договорились! — рычит Чекер, лезет в карман и достает чековую книжку. Размахивая ею перед затылком Терри, он орет: — Мы ведь договорились?

— Слушай, чувак, дело же не только в деньгах; у меня есть постоянные клиенты, они на меня рассчитывают. Другой род деятельности, сечешь? — Терри оборачивается и хлопывает себя по носу. — Говоря по-деловому, нельзя действовать в ущерб основному бизнесу ради единовременной выгоды. Нужно заботиться о длительных деловых отношениях, приятель, стабильном финансовом потоке и не ввязываться в сторонние проекты, какими прибыльными бы они ни казались в ближайшей перспективе.

В зеркале заднего вида Терри видит, что Чекер задумался над услышанным. Терри доволен собой, хотя он всего лишь цитировал слова своего друга, Больного, снимающего порнофильмы, в которых Терри время от времени участвует.

— Но я могу предложить...

— Я все равно вынужден отказаться, приятель.

Чекер поражен. И все же в глубине души он чувствует: в этом таксисте что-то есть. Возможно, это «что-то» как раз то, что ему нужно. Эта мысль вынуждает Рональда Чекера выдавить из себя слово, которое не слетало с его губ с тех пор, как он закончил младшую школу:

— Терри... пожалуйста... — Чекер задыхается, оттого что произнес это слово.

— Ладно, приятель, — говорит Терри, сверкнув в зеркале улыбкой, — мы ведь деловые люди. Уверен, мы сможем прийти к какому-нибудь соглашению. Только одно «но», пожалуйста, имей в виду, — Терри оборачивается, — насчет упомянутых тобой ночевок в отелях... на жописуйство можешь не рассчитывать!

— Что?! И в мыслях не было, — протестует Чекер, — я не какой-нибудь чертов педик...

— Ничего не имею против, вдруг это по твоей части, я и сам иногда не прочь зайти с заднего хода, но волосатое душло и болтающиеся под ним кокосы — это, знаешь ли, совсем не для Джуса Терри. — Терри яростно мотает головой.

— Нет... об этом можешь не беспокоиться! — произносит Чекер, содрогаясь от неприятного послевкусия, но вовремя проглатывая таблетку антиозверина.

Такси подъезжает ко входу в «Балморал». Носильщики, очевидно, ожидали приезда Рона Чекера и теперь буквально на полпути бросают свои дела, в том числе багаж одного из гостей, чтобы ринуться к такси, как только из него выйдет американец. Ветер усилился, и, пока Чекер разговаривает с Терри, порыв взметает его засаленные, крашенные черные волосы вверх и удерживает их в таком положении, из-за чего они становятся похожи на траурный павлиний хвост.

Мужчины обмениваются контактами, и под взглядом нависших над Чекером носильщиков Терри неспешно, с чувством вбивает цифры в свой телефон. Они жмут друг другу руки, и Терри, полагая, что Чекер как раз из тех, кто целенаправленно отработывает на других крепкое рукопожатие лидера, первым до предела сдавливает костяшки пальцев Чекера, а затем выдергивает руку, не оставляя Чекеру возможности переломать свои ускользающие пальцы.

— Я позвоню, — улыбается Рональд Чекер, и на лице у него то непривлекательное выражение, которое у большинства людей возникает только в том редчайшем случае, когда, находясь в задумчивости и наедине с собой, им вдруг посчастливится увидеть, как глубоко ненавистный враг падает под колеса автобуса.

Терри провожает Чекера взглядом, пока тот, самодовольно вышагивая, тщетно пытается под порывами штормового ветра пригладить свою прическу и с заметным облегчением проходит мимо подобострастно улыбающегося швейцара.

К своему удивлению, носильщики не обнаруживают в такси багажа и смеряют Терри подозрительными взглядами, словно он имеет к этому какое-то отношение. Терри уже было ощетинился, но у него есть другие неотложные дела. Сегодня похороны его старого друга Алека. Терри едет домой, в свою квартиру в Саутсайде, переодевается и звонит Толстолобому, чтобы тот отвез его на кладбище Роузбенк.

Толстолобий пунктуален, и Терри с благодарностью устраивается на заднем сиденье такси. Однако этот кэб, хотя он и той же модели, что и любимая TX4 Терри, выпускавшаяся Лондонской транспортной компанией, все же более старой версии, он не такой роскошный и прилизанный; в таких спартанских условиях Терри в своем черном бархатном пиджаке, в застегнутой на все пуговицы желтой рубашке без галстука и серых фланелевых брюках чувствует себя чересчур разодетым. Он собрал свои пружинистые кудряшки на затылке резинкой, но парочка из них уже выбилась, и теперь

они надоедливо прыгают перед глазами, пока Терри сканирует женщин, которые движутся вдоль парка в сторону обветшалого и заиндевевшего центра. Пока Терри выходит из машины и прощается с Толстолобым, налетает холодная морось. Терри впервые присутствует при погребении, его удивила новость о том, что церемония будет проходить не в обычном крематории в Уорристоне или Сифилде. Как выяснилось, место для семейного захоронения было выкуплено еще много лет назад и теперь Алек должен быть похоронен рядом со своей женой Терезой, трагически погибшей при пожаре. Терри никогда ее не видел, хотя и знал Алека со своих шестнадцати лет. Много лет спустя в приступе пьяных стенаний, слез и раскаяний Алек рассказал Терри, как однажды в подпитии включил фритюрницу, устроив пожар, в котором и погибла его жена.

Терри поднимает воротник пиджака и направляется туда, где вокруг могилы собрались многочисленные скорбящие. Здесьлюдно; впрочем, похороны Алека и должны были стать партийным собранием для всякого сброда. Удивительно, но многие из тех, кого Терри считал умершими или отсиживающими срок, как оказалось, просто не выходили дальше местного супермаркета, с тех пор как был введен запрет на курение в общественных местах.

Вокруг отнюдь не только третий сорт. Похрустывая гравием, в ворота уверенно въезжает зеленый «роллс-ройс». Остальные автомобили припаркованы на прилегающей улице, но, к огромному недовольству растерянных сотрудников кладбища, «роллс-ройс» останавливается в считанных сантиметрах от первых надгробий, и только тогда из него чинно выходят двое мужчин в плащах и костюмах. Один из них гангстер, которого Терри знает под именем Пуф. Его сопровождает парень помладше, с хитрым прищуром и тонкими чертами лица, для телохранителя он слишком невыразительных размеров, думает Терри.

Этот парадный выход определенно завладел вниманием собравшихся, но только не Терри — уже в следующее мно-

вение его взгляд устремляется в другом направлении. Его опыт показывает, что горе может по-разному влиять на людей. Наряду со свадьбами и торжествами похороны представляют лучшие условия для съема. В этой связи он припоминает, что советник Мэгги Орт вернула свою девичью фамилию, отказавшись от поименования Орт-Монтэг, где вторая часть принадлежала ее мужу, адвокату, с которым она недавно развелась. У Терри на руках два факта. Первый — Мэгги хорошо сохранилась, второй — разрыв отношений плюс тяжелая утрата равно двойная уязвимость. Возможно, у него получится вернуть себе прежнюю Мэгги, смущенную девчонку из Брумхауза, вместо той прилизанной, самореализовавшейся деловой женщины, в которую она превратилась. Эта мысль его возбуждает.

Почти в ту же секунду Терри замечает, что Мэгги стоит возле надгробия с большим кельтским крестом и разговаривает с какой-то группой родственников, на ней унылый темный костюм, и она легонько затягивается сигаретой. Очень даже, думает про себя Терри, слизывая с верхней губы слой выкристаллизовавшейся соли. Он встречается с Мэгги глазами и вначале пускает в ход слабую улыбку, а затем печальный кивок, выражающий соболезнование.

К Терри подкатывает Стиви Коннолли, сын Алека. Стиви — жилистый парень с вечным полувозмущенным выражением лица, которое он унаследовал от отца.

— Ты, что ли, батю моего нашел?

— Ага. Тихая типа смерть.

— Ты был его дружкой, — с упреком произносит Стиви.

Терри помнит, что отец с сыном никогда не были близки, и в чем-то ему сочувствует, поскольку и сам находится в похожем положении, но не знает, как реагировать на заявление Стиви.

— Ну, окнами вместе занимались, — вежливо отвечает он и вспоминает еще одну насыщенную событиями главу своей жизни.

Сомневающийся хмурый взгляд Стиви, кажется, говорит: «Ага, и гребаным домушничеством», но, прежде чем он успевает озвучить эту мысль, над кладбищем пробегают рябь из голосов и знаков, призывающих скорбящих медленно собраться вокруг могилы. Священник (Терри мысленно благодарит Алека за то, что, будучи католиком, он все же завещал, чтобы его похороны были как можно более краткими и светскими, а это значит — по канону пресвитерианской церкви Шотландии) отпускает несколько бессодержательных реплик, в основном о том, каким общительным был Алек и как ему не хватало его любимой Терезы, которую у него жестоко забрали. Теперь они наконец-то будут вместе не просто в символической форме, а навечно.

Поются псалмы, и священник самоотверженно пытается поддержать энтузиазм лишенного церковной акустики и, вероятно, самого слабого и робкого хора в истории христианского мира. Затем небольшую речь произносит Стиви. Ему едва удастся скрыть свое отвращение к Алеку, учитывая роль, которую он сыграл в смерти его матери, после чего он приглашает желающих произнести речь, подняться к микрофону. Повисает нервная пауза, и начинается тщательное исследование мокрой травы под ногами.

Наконец, после недолгих уговоров сына и племянницы Алека, Терри поднимается и встает на ящик за микрофоном. Он смотрит на море лиц перед собой и изображает обаятельную, как ему кажется, улыбку. Затем он постукивает по микрофону, как это делали стендап-комики на выступлениях во время Эдинбургского фестиваля экспериментальных театров.

— Когда Алек получил результаты анализов и понял, что дороги назад нет, он пустился в эпический запой и вылакал половину запасов со склада местного «Лидла»! Уж такой это был человек, — громогласно выдает Терри, предвкушая взрыв хохота.

Но собравшиеся вокруг могилы в основном молчат. Те немногие, кто все же решается как-то отреагировать, разде-

ляются на издающих сдавленные смешки и задыхающихся от ужаса. Мэгги сочувственно качает головой и смотрит на Стиви, который сверкает побелевшими костяшками пальцев и со свистом процеживает сквозь стиснутые зубы:

— Он думает, что это, сука, речь шафера на свадьбе какого-нибудь забулдыги!

Терри решает не сдаваться и продолжает поверх усиливающегося недовольного ропота:

— Ну а потом он решил засунуть голову в духовку. Но Алек есть Алек, — хрипит Терри, — этот пиздюк так нажрался, что перепутал духовку с холодильником. Простите за мой французский, но так и было. И вот полез он, значит, в этот морозильный отсек, но не смог впихнуть туда свой сраный котелок из-за корзины с чипсами «Маккейн» и засунул голову в пластиковый ящик по соседству, а потом заблевал его нахрен! — Смех Терри прокатывается по холодному, промозглому кладбищу. — Будь это, сука, кто-нибудь другой, можно было бы свалить все на таблетки, но это же был Алек!

Стиви вслушивается, морщит лицо, у него начинается приступ удушья. Он смотрит на Мэгги и других родственников, словно взывая о помощи.

— Что он несет? А? Что вообще происходит?

Но балом правит Терри, ветер взметает его кудряшки, его несет на всех парах, и ему уже нет дела до реакции присутствующих.

— В общем, дверца была открыта, но ночь выдалась такая холодная, что, когда я нашел его утром, башка его, сука, уже вмерзла в глыбу замороженной блевотины, от подбородка до самого загривка. Не знаю почему, но вместе с его головой туда вмерзло яблоко. Как-будто, прежде чем откинуться, он пытался поймать его зубами! Но Алек есть Алек, да! — Терри замолкает. Раздаются неодобрительные возгласы, некоторые качают головой. Терри бросает взгляд на Стиви, которого удерживает Мэгги, крепко вцепившись ему в руку. — В общем, тот еще алканавт! Но я рад, что его хоронят

ОГЛАВЛЕНИЕ

Часть первая. Предмошоночная невинность

1. Будни водителя такси	13
2. Железно	38
3. Офисная работа	52
4. Сладкий вкус свободы	55
5. Джонти и плохая погода	60

Часть вторая. Ураган Мошонка

6. Блицсвидания	65
7. Джинти довели	70
8. Беготня	73
9. Прибежище в «Пабе без названия»	74
10. Что у Мошонки в мешке	81
11. На Бога уповаем. Часть 1	87
12. Последняя битва Мошонки	93

Часть третья. Послемошоночная паника

13. Джонти на районе	97
14. Рыцарь в сверкающих доспехах	107
15. Джонти в «Макдональдсе»	113
16. Отели и сауны	115
17. Безучастные к природному феномену	122
18. Уроки Мошонки	134
19. Встреча сексуально озабоченных	139
20. Что куют в Пенникуике?	146

21. Малыш Гийом и Рыжий Ублюдок	165
22. Исповедь любителя супермаркетов	167
23. Странный белый порошок	179
24. Орудие в руках дьявола	181
25. Представительская ложа «Тайнкасла»	206
26. Сердце проблемы	215
27. На Бога уповаем. Часть 2	219
28. Холодный прием	223

Часть четвертая. Послемошоночное восстановление

29. Остановка в сауне	229
30. На Бога уповаем. Часть 3	236
31. Полный макнагетс	248
32. Путиями прямыми и окольными	258
33. Лихорадит	265
34. Верный Друг 1	272
35. Шотландские курильщики переходят в наступление	275
36. Транспортная экономика	296
37. Верный Друг 2	313
38. Очередной удар по шотландским курильщикам	316
39. Парень в канареечно-желтой куртке	321
40. Бегство в Пенникуик	328

Часть пятая. Послемошоночное общество

(Четыре месяца спустя)

41. Месть шотландских курильщиков	337
42. Верный Друг 3	355
43. Избегая стресса	358
44. Отрывок из дневника Джинти 1	389
45. Скоропортящийся	390
46. Месяц сварливых мохнаток	404
47. Отрывок из дневника Джинти 2	419
48. Паудерхолл	420
49. На Бога уповаем. Часть 4	450
50. Турнир на мосту	454
Благодарности	475